

Михаил Асеев

Человека театра не хочется сузить

Название фестиваля-лаборатории «Человек театра» само по себе закладывает соединение человеческого и театрального начал. Челябинск уже в одиннадцатый раз становится для многих местом встреч с коллегами, знакомств с новыми театральными формами и разными национальными культурами, ведь в этом году география фестиваля представлена с большой широтой: Санкт-Петербург, Москва, Челябинск, Вологда, Саранск, Омск, Донецк, Пермь, Новосибирск, Самара и Костанай (Казахстан).

«Сердце не камень». Сцена из спектакля. НХТ. Фото В. Звонарева

Справедливый вопрос – какой отечественный фестиваль не стремится показать панораму жизни театральной России во всем ее многообразии? «Человек театра» преследует ту же цель, но закладывает в свою основу редкие на сегодняшний день качества: отказываясь от соревнования по театральным спецэффектам и нездоровой атмосферы конкуренции, он языком искусства ведет речь о человеке и для человека. О нем же разговаривали и спектакли в программе фестиваля.

Спектакль «Сердце не камень», представленный хозяином фестиваля – Новым Художественным театром, поднимает разговор о человеке на большую высоту. Пьеса А.Н. Островского, при всей ее комедийности, прочитана режиссером Евгением Гельфондом, в первую очередь, как драма о живой любви и ее спасительной силе. Вера Филипповна – образец чистоты и смирения – вот уже пятнадцать лет наблюдает за проходящей мимо жизнью, но вроде и не тоскует от затворничества, а принимает такую судьбу, не гонится за модными нарядами, вместо бабов и приемов ходит по монастырям, помогает нуждающимся, всецело привязана к мужу-старика. Но как легко оказывается вскрыть, взломать броню из примерной праведности, которую Вера Филипповна, по большому счету, надела напоказ, любовью и искренним чувством. Ксения Бойко в этой роли следует по пути достоверности воплощения на сцене человеческой души во всех ее несостыковках и нравственных метаниях.

К. Бойко – Вера Филипповна. «Сердце не камень». НХТ.
Фото В. Звонарева

Бойко создает образ девушки не от мира сего – она чужая даже в женском кругу. Две приятельницы, Аполлинару Панфиловна и Ольга Дмитриевна в исполнении Натальи Шолоховой и Татьяны Кельман, воплощают собой житейскую трезвость и прагматичность, человеческое здравомыслие. Им-то как раз и нужны платья и шляпки по последней моде, материальный достаток. Приходя в очередной раз в гости к Вере Филипповне, они с искренней и плохо скрываемой (а от того уморительно смешной) завистью слушают рассказы хозяйки о приходящих к ней на дом модистках и дорогих украшениях, которые ей будто бы и не важны вовсе. Словом, легко здесь найти повод для поучения зрителя – как бела душой одна и как черны другие. Но Островский тем хорош, что не возносит одних и не наставляет других.

Драматург и режиссер, несмотря на дистанцию в 150 лет, смотрят на жизнь под одним углом. Евгений Гельфонд мыслит говорящими мизансценами: Вера Филипповна часто спускается по лестнице, будто снисходит до других людей, стоит в отдалении от приятельниц, дистанцируясь от них и всей этой мирской, суетной жизни. Однако внутренний подтекст роли режиссер выстраивает в обратную сторону, и Ксения Бойко играет объемно: «Портниха и башмачник на дом приходят. Меха понадобится, так на другое утро я еще не проснулась, а уж в зале по всему полу меха разостланы, выбирай любой», – как же не уловить хва-

А. Майер – Потап Потапович Каркунов, К. Талан – Константин Лукич.
«Сердце не камень». НХТ. Фото В. Звонарева

ствовства в этих словах Веры Филипповны и иронического отношения актрисы к своей героине.

От того в финале еще приятнее осознавать – ничто человеческое Вере Филипповне не чуждо. Впервые в своей жизни она выбирает не разумом, а сердцем, опирается не на долг, а на чувство – любовь к Эрсту. Ксения Бойко точно выстраивает линию развития своей роли, мы верим ей от начала и до конца: встречая – в напускную позу морали, провожая – в искренность обретения любви.

В основе спектакля «Сердце не камень» лежит уверенная и взаимодополняющая игра ансамбля, где каждое действующее лицо наделено сложной, неоднозначной природой. Недаром спектакль открывает оркестрик: у всех артистов есть свой инструмент, а значит, у персонажей – свое звучание.

Здесь мы встретим героев, которых нельзя отнести только к положительным и только к отрицательным: мужа Веры Филипповны – Каркунова (Александр Майер), честно собирающегося отдать все состояние на помощь беднякам, Арлекино-афериста – племянника Константина (Константин Талан), мечтающего это состояние присвоить себе, его слугу Эрста (Дмитрий Николенко), который за нужную сумму готов подыграть в этой афере. Мужские образы в спектакле вырисовываются не одной карикатурной линией, а изгибами человеческой души. Иной

Е. Думнов – Павел Мохов. «Спектакль в селе Огрызове».
Вологодский Камерный драматический театр. Фото В. Звонарева

раз и правда создается впечатление присутствия в портретной галерее: уж так иногда демонстративен в своей раскованности герой Талана, уж так порой серьезен и возвышен Каркунов Майера.

В трехъярусной сценографии Елены Гаевой, пахнущей свежим деревом и чистотой, найдется место для всех – и по заслугам. И внизу, где раскрываются створки адовой печи, и под самыми колосниками (хотя сценический мир спектакля явно прорывается за их пределы), куда в финале спектакля ключница Огуревна (Евгения Зензина) – мудрый, незамутненный голос народа – провожает умирающего Каркунова.

«Спектакль в селе Огрызове» вологодского Камерного драматического театра разговор о человеке ведет легко, бодро и весело. Перед нами разыгрывается сюжет о красноармейце Павле Мохове. Вернувшись с Гражданской войны в родное село, он решает организовать театральный кружок и поставить спектакль по оригинальной пьесе.

Автор рассказа Вячеслав Шишков, которого все знают, в первую очередь, по роману «Угрюм-река», здесь совершенно неузнаваем. Незатертость материала, увлекательность самой истории о закулисных приключениях любительской труппы, всепобеждающий юмор, искрящийся чудной язык...

У артиста Евгения Думнова этот язык, слово это и действенное, и воплощенное. Один актер в течение часа с реактивной

скоростью жонглирует ролями и образами. Кроме него на сцене есть только две холщовые кулисы, деревянные козлы и охапка сена. Однако Е. Думнову удается создать на сцене и атмосферу подлинной жизни, и настоящий праздник театра. Сюжет о зрителе, который с нешуточной впечатлительностью реагирует на все происходящее, будто проживает историю сам, удивительным образом отражается в реальном пространстве, где играется «Спектакль в селе Огрызове». Такую непосредственность зрительских реакций и неподдельную радость в современном театре встречаешь совсем не часто. При этом Евгений Думнов за этой реакцией не гонится и не работает на ее обслуживание. Его погруженность и естественность присутствия рождает в воображении зрителя живую картину точнее, чем это может сделать любая современная декорация и видеопроекция. Думнов будто бы разгадал тайну толстовского «текучего вещества жизни» и облек его в самые разные формы. Каждая из сыгранных им в моноспектакле ролей существует на точно найденной подробности: будь то развязная походка, высокий тембр голоса или томный женский взгляд из-под веера-ладони. Создается впечатление, что этих людей ты уже встречал, что они тебе хорошо знакомы и близки.

Принято считать, что в любом уголке мира люди вздыхают и плачут от одних и тех же причин. А вот улыбается и смеется каждый народ по-своему и над разным. Национальной спецификой обладает английский или французский юмор – так же уникален и наш. Режиссер Яков Рубин и Евгений Думнов предложили зрителю на час почувствовать себя единым целым, разделить друг с другом перипетии общей истории. Да и кто, как не русский человек, напишет пьесу за одну ночь, в соавторстве с товарищем и бутылкой самогона?

«Сердце не камень» и «Спектакль в селе Огрызове» роднит любовь к русскому человеку и желание рассказать о широте и силе его характера, о гордости и смирении, грехах и покаянии... И этого человека не хочется «сузить» – им хочется любоваться. Ценно то, что спектакли не проводят границы между героями и зрителем: каждый может посмеяться над персонажем как над самим собой, поплакать вместе с ним о его горе как о своем собственном. Тем самым, театр доказывает простую истину: важнее не то, чем мы различаемся, а то, что нас объединяет.